

Анастасия Герасенко

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Документальный очерк

*Поколению, пережившему
Великую Отечественную войну,
с бесконечной благодарностью посвящается.*

Я люблю фотографии, настоящие, напечатанные. Альбомов у нас много, штук двадцать, если не больше. Что интересно, когда начинаешь вспоминать прошедшие события, именно фотографии первыми и всплывают в памяти. Яркие цветные якорьки, которые удерживают воспоминания на плаву.

В большинстве альбомов – снимки современные. Но если листать назад, против течения времени, постепенно добираться и до черно-белых глянцевого.

Многие делал папа. Но кое-что фотографировала и сама, с папиной помощью, потом – самостоятельно, по его урокам. Это целое таинство. Каждый кадр выбирался тщательно, пленка короткая - 24 или 36 кадров, тут не до случайностей.

Отснятую пленку доставали в темной ванной комнате. Надо аккуратно намотать гибкую ленту на витки специальной катушки, постараться, чтобы не слиплась и не стерла изображение, обработать.

А печать снимков? Снова колдовали в ванной при свете красной лампочки, словно в пещере волшебника. Листы бумаги погружали в ванночку с проявителем, и происходило чудо. На белой поверхности медленно-медленно проступали лица, люди, ушедший день. Потом – промыть, затем – в закрепитель. Сушили свежие фото на глянцевателе. Был такой прибор, теперь совсем забытый.

В толстых бабушкиных альбомах хранились другие снимки. Чуть желтоватые, совсем старые. Сначала они были немymi. Иногда угадывались дедушки и бабушки, молодые и не похожие на привычных мне родных людей. А рядом кто? Незнакомые лица, каким-то образом связанные с нашей семьей. Иногда, под воспоминания взрослых фотографии начинали говорить. Проступали имена, судьбы и вызывали еще больше вопросов.

И дедушки, и бабушки порой рассказывали о прошедшем, вспоминали памятные случаи. Но в детстве разве до рассказов старших, когда вокруг столько интересного, когда прыгает, вертится непоседливо собственная жизнь.

Уже не было с нами ни бабушки Ани, ни деда Якова, как вдруг поняла я, что забываю их рассказы, не сохраняет капризная память ни точных дат, ни драгоценных подробностей, которые вот-вот уйдут, словно вода в песок. Хватило ума записать оставшееся, а дедушку Кузю и бабушку Нину слушать внимательно и писать, писать, не надеясь на зыбкие воспоминания. А позже расспросить родителей.

И вот тогда фотографии заговорили.

Кузьма

Дед Кузя на маленькой фотографии сосредоточенный, смуглый, безусый. Совсем еще не дед, а молодой черноглазый красавец, чем-то напоминающий Круза Кастильо из бесконечной «Санта-Барбары». Шел в девяностые годы такой длинный народно любимый сериал.

Отучившись в техникуме, в 1940 году поступил дедушка в Военно-морское хозяйственное училище в Ленинграде.

Пожалуй, мы забежали вперед. Хранится у мамы пожелтевший от времени снимок. Постановочный, приклеенный к красивому тесненному картону с надписью: «Будзинский Алексей Иванович» и датой «Октябрь 1917 г.». Мой прадед.

Собственно, Алексеем Ивановичем его звали в селе. Ни имени настоящего, ни национальности прадедушки мы не знаем. Воевал он в Первую мировую в составе Австро-венгерской армии, был ранен, попал в плен, да так и остался в селе Косары Черкасской области. Работал кузнецом, женился на крестьянской дочери Оксане Андреевне, и родились у них дети: дочь Наталья, да в двадцатом году сын Кузьма. А в двадцать первом умер мой прадед от тифа, оставив молодую вдову с двумя малыми детьми.

Четыре года спустя вышла Оксана Андреевна замуж за искусного плотника и столяра Михаила Меркуловича Чернышенко. «Заменял детям отца» - не надуманное выражение. Дедушка Кузя всегда говорил, что Михаил Меркулович ему отец, не отчим.

Своего второго прадеда я помню. Давным-давно приезжали мы однажды в Косары, и сидел под большим деревом на скамеечке высокий, худой и плечистый старик. И фотография сохранилась. Стоит на ней Кузьма Алексеевич со своими родителями, мама в платочке, а отец все такой же высокий и строгий.

Так вот, в сороковом году стал дедушка Кузя курсантом ленинградского военного училища. Встретил войну в Ленинграде, был в числе его защитников. Скупые записи военного билета: «Ленинградский фронт. С 7.1941г по 12.1941 в составе курсантского бат-на ВМХУ». Что стоит за выцветающими строчками? Силимся понять, пытаемся, но невозможно прочувствовать такой опыт. Надо хотя бы сохранить память.

О войне дедушка упоминал не часто. Как правило, работая на даче, вспоминал что-нибудь, между прочим. Рассказывал своей непоседливой внучке, что дежурил на крыше Адмиралтейства, а однажды довелось подниматься на самый шпиль.

Курсант Будзинский в составе курсантского батальона принял участие в боях на Ораниенбаумском пяточке. Теперь там стоит памятник. В живых тогда осталось меньше трети батальона. А дед все говорил, как плох был ручной пулемет, как забивались в него земля и песок, не давая стрелять.

Военно-хозяйственное училище перевели в Москву. Выжившие курсанты старших курсов добирались до места самостоятельно, пешком через Ладожское озеро. Дедушка посмеивался, описывая шинельную скатку и вес полной выкладки.

1942 год. Досрочный выпуск. Северный флот. Корабли. Эсминец «Сокрушительный», затем, после его гибели, эсминец «Разумный». Однажды получили срочный приказ - утром выйти в море, найти и уничтожить линкор «Тирпиц». Начальник интендантской службы корабля Будзинский выдал из своих запасов экипажу по сто грамм. «Понимали, на смерть пойдем». Утром приказ отменили.

Был тогда в судьбе дедушки случай невероятный. Смыло его за борт штормовой волной во время похода. А другой волной обратно забросило, благо шли корабли противолодочным галсом и далеко отойти не успели. И сумел Кузьма вцепиться в леера и удержаться, и выжить.

Многое было. Ранение и досрочная, по собственной просьбе, выписка из госпиталя. Была встреча с Анной. Анной Кузминичной, моей будущей бабушкой. Какие же они были молодые! Деду в сорок втором году – двадцать два, бабушке и того меньше.

Тогда стали появляться и фотографии. Совсем маленькие. Вот молодой офицер о чем-то говорит с сослуживцем, оба улыбаются, курят. Кто-то щелкнул на память, остановил кусочек истории. Строгие фото с личного дела. Новый год. Женщины в ярких платьях, с высокими прическами или с кудрями. Все молоды, веселы, за спинами виднеется большая елка.

После войны Кузьма Алексеевич остался на Северном флоте. Ваенга, курсы в Выборге, Печенга, Полярный, снова Североморск. В Выборге умер маленький сын Виталик. Мой дядя, которого я никогда не видела. На всех фотографиях он улыбается как солнышко. В Печенге родилась моя мама.

В Полярном жили в знаменитом циркульном доме. Мама выбиралась через окно на крышу первого этажа и каталась на детском велосипеде. Дом

этот до сих пор стоит, только очень печальный и запущенный, штукатурка осыпается, кое-где и кирпич выкрошился.

В Североморске жили вначале в финском доме на первой улице Саши Ковалева. Сохранился снимок, улица Кирова с одной стороны уже застроена высокими зданиями, а с другой – много-много маленьких финских домиков. Там, среди маленьких, уже ветшающих строений и лежала первоначально улица, названная именем юнги-героя. Пока не приехала в город мама Саши Ковалева и не сказала грустно: *«Видно, мой сын другого не заслужил»*. После этого исполком Городского Совета депутатов и командование Северного флота приняли решение назвать именем Саши Ковалева новую улицу, которая строилась в районе бывшей улицы Надгорной. Маленькие домики остались в прошлом.

Но произошло это позже, в семидесятые годы. А тогда Будзинские переехали из финского домика в коммунальную квартиру по улице Кирова, дом четыре. Рядом еще только возводили дом номер два. Теперь там Центральная городская библиотека имени Леонида Крейна, а в те годы мама с мальчишками прыгали с недостроенного второго этажа в большую кучу песка. Зимой дед усаживал маленькую дочку к себе на колени и лихо съезжал на шинели с длинной горки, что тянется от улицы Кирова к Дому офицеров.

В пятьдесят восьмом Кузьма Алексеевич получил перевод в Севастополь, семья переехала к теплему морю. Но долго прослужить не удалось. Начались хрущовские преобразования, сокращение флота, и подполковник запаса Будзинский пошел на Севастопольский морской завод. Пошел слесарем-инструментальщиком третьего разряда, а стал бригадиром особой экспериментальной бригады. Руки у него были золотые.

Дачу выстроил красивую, с бассейном, посадил сад. Когда пролегла по территории дачи одна из городских дорог, взял другой участок. Голую скалу. Построил дом, посадил сад. Бассейн, правда, при перевозке треснул. Так стоял и серый бетонный параллелепипед, обмотанный тросом. Складывали в

него сухие обрезанные ветви, а потом вдруг выросло у старого бассейна молодое вишневое деревце, на которой во множестве жили глянцевые коричневые жучки-щипалки.

Строил дедушка и гаражи: себе и на продажу. Последний гараж был каменный, огромный. Вниз уходили два этажа подвала. В самом глубоком ярусе слева на полках выстроились банки с разнообразным вареньем, справа – рубиново отсвечивало в десятилитровых бутылках виноградное вино.

Фотографии тех лет черно-белые, но очень живые. Дедушка склонился над заводским станком, держит в руках деталь и улыбается. Все такой же черноглазый и черноусый, с лукавой усмешкой в усы. Вот Кузьма Алексеевич и Анна Кузминична на демонстрации, рядом какой-то знакомый. Бабушка в пальто, в модной шляпке, у деда – орденские планки на пиджаке. Еще один снимок, мой любимый. Дед стремительной идет по даче, прямо на фотографа. Уже немолодой, собранный, в руке – огромный букет.

Много позже, за год до смерти, Кузьма Алексеевич получил как инвалид войны «Оку» с ручным управлением. Сам получил, сам пригнал из Мурманска в поселок Сафоново, что под Североморском, и гордо сказал моему мужу: «Посмотри, внучек, я тебе подарок привез!». Как уж он доехал в свои годы, да со своей катарактой... Наверное, на огромном водительском опыте и на особом складе характера.

Кузьма Алексеевич Будзинский прожил долгий век. Успел увидеть старшую правнучку. На последней парадной фотографии он стоит в полный рост, опираясь на палку. Невысокий, осанистый, с аккуратной седой бородой и веселыми глазами. И надпись: «Североморск».

Анна

«Далёко, далёко за морем стоит золотая стена...» - любила бабушка эту песню, часто напевала, почему-то только первые два куплета. Возилась в саду, пела, заодно за внучкой приглядывала, истории рассказывала, какие вспомнятся, словно сказку.

Часто сказка получалась страшная, а когда и не очень. Вот сидим мы с бабушкой Аней на деревянном топчане под виноградной беседкой. В тенечке хорошо, прохладно. Бабушка описывает, как ходила с ребятами из родного села по малину. Пришли, собирают, а с другой стороны малинника тоже кто-то ходит, сопит. Так и двигались вокруг кустов, пока не столкнулись нос к носу с медведем. Обмерли все, а потом как припустили до самого села без передышки.

Аня и на лошади умела ездить. Даже в колхозных скачках участвовала. Годы прошли, а не забыла, что сердился председатель, когда на лучшей лошади она заняла только второе место.

А то вдруг вспомнит бабушка, как хоронили её маму. Как несла она, маленькая, тяжелую густую мамину косу.

Овдовев, прадед Кузьма Судаков снова женился. Мачеха оказалась не злой, хоть и болезненной, но однажды, разобидевшись, убежала маленькая Анюта на могилу к маме. Плакала там, плакала, да так и уснула. Искали её всем селом. А когда нашли, сильно рассвирепел прадед на мачеху.

Глухо, невнятно звучит в памяти рассказ о смерти бабушкиного брата. Вроде повредил он на катке ногу и как-то вскоре умер. А там и прадеда забрали на войну.

Великая Отечественная еще не началась, возможно, на советско-финскую? Дробится, расплывается семейное предание. Что забылось, теперь не восстановишь, и спросить не у кого.

С войны прадед не вернулся. Мачеха вышла замуж. И, оставшаяся круглой сиротой, Аня тоже вышла замуж за человека по фамилии Коваленко. Родила сына Борю. И еще успела закончить культпросвет училище.

Началась Великая Отечественная война. Коваленко призвали на Северный флот. Спустя год или около того вызвал он к себе юную жену с сыном. Хоть и встречал на вокзале в Мурманске уже с другой, новой женщиной, но все же вызвал, чтобы не умерли Боря и Аня с голоду в далеком русском селе в Башкирии.

Бабушка никогда не рассказывала о военном Мурманске или Ваенге, о бомбежках, о пожарах. Как-то устроились у знакомых, и стала выживать молоденькая женщина двадцать четвертого года рождения, где-то восемнадцати лет от роду.

Здесь история бабушки Ани сплетается с историей деда Кузи. Тогда, в военное лихолетье, они и познакомились. За плечами у молодого моряка была нелепая, родными организованная женитьба в родном селе, которая окончилась на редкость быстрым разводом. Служил старший лейтенант Будзинский на одном эсминце с матросом Коваленко. Но жизнь – не сериал, и прожили дедушка с бабушкой вместе больше полувека.

Когда жили в Выборге, умер второй сын Виталик. Обварился, двухлетний, кипящим молоком, уже в больнице подхватил воспаление легких и умер у бабушки на руках.

Остались фотографии. Боря и Виталик. Боря светленький, серьезный, а Виталик маленький, круглолицый и улыбочивый. Дедушка с сыновьями. Бабушка с детьми. Они часто фотографировали детей. Один снимок сделан, кажется, на улице Северной в Ваенге, а может быть, уже в Североморске. На фоне ладного двухэтажного дома на краю сопки стоит Кузьма Алексеевич в черной военно-морской шинели. Рядом бабушка с подругой. Обе в модных пальто, шляпках-менингитках, с муфтами. Впереди – дети в шубках.

Своих детских фотографий у бабушки не было, конечно. Самая ранняя совсем маленькая с карандашной пометкой «1947». Бабушка там красавица. Не классическая красавица, носик у нее был картошечкой, но мила до невозможности, светлая, ясная. Мастерница. Шила, вышивала удивительно. Альбом с её вышивками до сих пор хранится в семье как реликвия.

Вот и война прошла. Жизнь налаживалась, семья переехала в Севастополь. Подрастали сын Боря и дочь Наталья, моя будущая мама. Есть много копий фотографии, на которой мама за столом делает уроки, а рядом сидит Борис, высокий, уже совсем взрослый.

Пнула судьба напоследок. В восемнадцать лет пошел Боря на рыбалку с приятелями и утонул. И осталось у бабушки с дедушкой одна дочка.

Что уж они думали, собирая доченьку в дорогу, когда уезжала она с моим папой, молодым лейтенантом, и еще не рожденной мной в северный заполярный гарнизон, и не представить. На фотографии того года родители юные и прекрасные, а бабушка с дедушкой совсем молодые, и лица у всех торжественные и строгие.

Непростая получилась сказка. А была бабушка человеком легким и светлым, не было в ней ни горечи, ни надрыва. Певунья, хозяйюшка. Друзья в дом приходили, старые, с далеких североморских времен.

И цветов в доме всегда было много. Ромашки, дельфиниумы, розы всех сортов. Ближе к осени появлялись высокие разноцветные гладиолусы. Она любила цветы, выращивала их на даче, любовалась.

Ушла бабушка рано, еще и семидесяти не исполнилось. Незаметно подобралась болезнь, рассеянный склероз, и увела в молодые, детские годы - к отцу, к матери, к друзьям юности, «далёко, далёко...».

Яков

Дед Яша, Белогуб Яков Никифорович. Самый старший из моих дедушек и бабушек, 1914 года рождения.

Четырнадцатый год прошлого века – далекая история, уже книжная. «Хождение по мукам», Серебряный век... Прадед мой казак Никифор Павлович в четырнадцатом году ушел на Первую мировую и в том же году погиб. Так и не увидел своих младших – близнецов Яшу и Прасковью.

И поднимала прабабушка Александра Севастьяновна троих детей одна. А уж чего ей это стоило, как работала всю жизнь, какие думы думала – можно только догадываться. И ведь подняла. Прасковья Никифоровна стала одной из первых женщин, севших за штурвал комбайна, как знаменитая Паша Ангелина.

А дедушка учительствовал. В восемнадцать, в тридцать первом году, начал работать в трудовой семилетней школе. Учил и сам учился. Два года спустя поступил в Кременчугский педагогический институт.

Только недолгой тогда оказалась учеба. Тридцатые годы, Украина, Полтавская область, голод. Пришлось бросить институт, работать и помогать матери да сестрам. Но добился своего Яков. Снова поступил, теперь уже в Харьковский педагогический, закончил и вновь учительствовал.

В августе тридцать девятого года женился Яков Никифорович на молодой учительнице Ниночке, бабушке нашей Нине Петровне, а в августе призвали его в армию, и снова увиделись они в сорок пятом, спустя две войны.

До тридцать девятого года не призывали учителей, берегли новые, только-только подготовленные кадры, но времена менялись. «Если завтра война...». Вначале советско-финская, потом мировая. Великую Отечественную дедушка встретил в Архангельской области, где базировалась его артиллеристская часть. Уже в сорок четвертом перевели его 12-ю батарею береговой обороны, что стояла на мысу Корабельном в поселке Поной, защищая Кольскую землю.

Мало, как мало говорила я с дедом. Не расспрашивала, не любопытствовала. От всей его долгой службы остался один эпизод. Рассказал однажды Яков Никифорович, как шли они с бойцом на лыжах, и боец провалился под лед. Дедушка начал его вытаскивать и сам провалился. Выбрались оба, спаслись, но ноги дед обморозил.

Остальное пришлось восстанавливать по документам, по выписке из личного дела, по воспоминаниям бабушки Нины.

И фотографий осталась немного. Я видела только одну, на которой дедушка молодой, в белой рубашке, русые волосы лежат аккуратной волной. Он всю жизнь был красив, по-учительски собран, представителен.

Прочие снимки - послевоенные, с женой, с детьми. Одна из фотографий сделала в родном селе – в Манжелее. В центре сидит

прабабушка Александра Севастьяновна, вокруг - дед Яков в парадной форме с орденскими планками, бабушка Нина в элегантном платье и внуки: младший Петя и средний Саша, мой папа. Драгоценный снимок, наша семья, наша история.

Дедушка часто ездил в Манжелею навестить родных, привозил оттуда смалец, угощал. Любил он хлеб со смальцем. Разговорившись, как-то вспомнил о голодных тридцатых годах. Рассказал дед Яков, что тогда ему, как комсомольцу и учителю, выдали целый мешок зерна. И семья выжила. И мама, и сестры.

Но разговор этот был много позже, в Ленинграде. А после Победы, в октябре сорок пятого, спустя шесть лет встретился дедушка, наконец, со своей семьей. Увез жену и маленькую дочку Ларису с Украины в Поной. Там и родился спустя два года мой папа.

А в пятьдесят первом Яков Никифорович был переведен в политотдел училища имени Дзержинского и переехали Белогубы в Ленинград. С того года сплелась жизнь нашей семьи с жизнью города. Не обошли семью и хрущевские реформы. Подполковник Белогуб был уволен в запас в связи с сокращением и вновь вернулся к своему учительскому делу. Больше двадцати лет преподавал историю в автодорожном техникуме.

У дедушки в комнате всегда было много книг. Строгими рядами возвышались темно-синие корешки одного из собраний Ленина, лежали газеты, журналы. На столе стояла лампа с белым колпаком и черной эбонитовой кнопкой на цоколе.

Эта лампа до сих пор жива, теперь она светит нам. Правда, колпак давно разбился, да и шнур пришлось поменять, но, нажимая на выключатель, частенько вспоминаю деда Яшу, все кажется, словно прикасаюсь к его руке.

Нина

Какое счастье, что я успела! Успела повзрослеть, дожить до четвертого десятка, научиться слушать, пока бабушка Нина была рядом. Нина Петровна

– беспокойная моя бабушка, за всех переживавшая, ни к чему не равнодушная, труженица.

Смешным казалось когда-то бабушкино желание пойти за мной на дискотеку, постоять за углом, незаметно оберегая, чтобы внучку не обидели. Теперь сама названиваю близким, а детям особенно, порой по десятку раз, пока не скажут мне дочери: «Мам, все в порядке, не звони так часто».

Перестройку бабушка переживала тяжело. Для нее всё, в девяностые годы происходившее, всё, что лилось жирной струей с экрана телевизора, развал страны – было ударом по сердцу. «Сколько искалеченных судеб» - писала нам, сокрушаясь.

На высокой стене в кухне висела карта Советского Союза. И много цветов на подоконниках. Герань, алое. Оно считалось целебным, соком закапывали нос.

Одна из фотографий начала двухтысячных: бабушка с папой в кухне сидят рядом, внимательно рассматривают семейный альбом. Чудесный снимок, живой. В тот же день сделано еще одно фото. Там моя старшая дочь, смешная, с белобрысыми хвостиками, сидит на стуле рядом со старенькой, совсем седой бабушкой. Беседуют о чем-то, улыбаются друг другу. За спинами видна большая полированная стенка с посудой.

Спустя несколько лет, когда бабушки Нины не стало, мы нашли в стенке вазочку, полную чуть подсохшего безе, заботливо прикрытую бумажной салфеткой. Она сделала лакомство для нас и не успела угостить.

Еще бабушка пекла замечательные пироги, особенно с капустой и с творогом. В день, когда пироги затевались, вся квартира пропитывалась головокружительным запахом. Часто это был день нашего отъезда на север, все нервничали, боялись опоздать на поезд. Но как здорово было достать в вагоне свеженький пирожок.

Однажды бабушка Нина подарила каждому из нас копии фотографий своих родителей. Это удивительные снимки из другого, давно ушедшего времени. Прадед Петр Гордеевич Лозовой в военной форме с шашкой в руке

стоит около пышной балюстрады на фоне рисованного задника. Прабабушка Надежда Лаврентьевна в длинном светлом платье оперлась локтем на причудливую невысокую колонну.

Петр Гордеевич родился ещё в позапрошлом веке, в 1886 году. Окончил реальное училище и работал земским агрономом. А после Октябрьской революции вступил в колхоз и продолжил работать по специальности.

По воспоминаниям бабушки Нины, родители её отца и бабушка по матери умерли от голода в тридцатые годы прошлого века. Зато в семье Петра Гордеевича и Надежды Лаврентьевны подрастали три дочери: старшая Нина, Елена и Евдокия.

Семья была дружная. Перед войной Нина окончила педагогическое училище. И так стосковалась в первый год обучения по родителям и сестрам, что пошла домой пешком из Александрии в Манжелею. Устала, истерла суставы настолько, что позже её, отлежавшуюся, отец отвез в училище на телеге.

В эти годы Нина Петровна начала преподавать русский и литературу в сельской школе, вышла замуж, в сороковом предвоенном году родила дочь Ларису.

Когда началась Великая Отечественная война, Нина жила у своих родителей в Манжелее. В сентябре 1941 года семья Лозовых отправилась в эвакуацию. Шли пешком. На подводе ехали Надежда Лаврентьевна с маленькой Ларисой и иногда младшая сестра Евдокия.

Фронт обогнал уходящих мирных жителей, и Лозовые оказались в оккупации. С июля 1942 года по февраль 1943 года, они провели в городе Новый Оскол Курской области.

Это сухие факты. А как передать пережитое ими, понять, что чувствовали мои близкие, застигнутые войной, о чем думала молодая мать с крошечной дочкой на руках, как болела душа у родителей, когда пытались спасти дочерей и внуку... Дай нам Бог никогда этого не понять и не пережить.

Передо мной письмо бабушки Нины. Тщательно и подробно записала она свои воспоминания, и все кажется, что слышу её голос: *«Маршрут эвакуации: из Манжелии - до сентября месяца Красноград, Мерефа, Богодухов, Короча, Белопоместное Новооскольского района. Здесь в октябре 1941 г. мы остановились (из-за погоды). Папа устроился работать агрономом в МТС д. Слоновка. Я с апреля 1942 г. работала в школе Борово-Гриневе.*

Но в июле 1942 г. наступление немцев – мы снова эвакуируемся в сторону Волги. Не доезжая до г. Острогожска, попали в окружение вместе с отступающей армией в степи, но, к счастью, мы смогли поймать двух лошадей... Но по дороге обратно у нас немцы отобрали лошадей с телегой, а нам опять надо было думать, что делать дальше. Ведь мы остались в степи с двухлетним ребенком.

Посоветовались и решились, что папа (прадедушка Петр Гордеевич) идет в сторону Нового Оскола, а я с Дусей - к месту, откуда выехали... Мой поход с Дусей едва не кончился трагично, т.к. в деревне уже был староста и пригрозил сдать в полицию, если не уберемся.

А поход дедушки был удачен. Ему объяснили, что около Нового Оскола сохранился птицесовхоз. И вот там мы и нашли приют (было жилье и работа на птичниках). Это вкратце. А в феврале 1943 г. нас освободили, и мы продолжали работать там же, но теперь я уже работала в конторе совхоза секретарем.

В 1944 г. июнь я поехала поступать в Курск в пединститут. Было желание вернуться на работу в школе. Поступила, еще сохранился студ. билет, а работать уехала в Манжелею. К этому времени Украину освободили от немцев».

Иногда бабушка Нина вспоминала, как наткнулась в степи на немцев. Как присела с дочкой на руках в рожь, прижала Ларису к себе, надеясь спрятаться, и все думала о том, что их сейчас будут убивать. Обошлось. Немцы полопотали что-то, посмеялись, потрепали девочку по голове и ушли

своей дорогой. Только Нина долго не могла подняться, не держали ноги от пережитого.

В сорок пятом году вернулся с войны муж, наш дедушка Яша. А потом было далекое мурманское село Поной, рождение сына Александра, переезд в Ленинград.

Не просто приживалась семья в городе. Снимали комнату на улице Декабристов, бабушка ходила гулять с детьми в Юсуповский сад. Сумасшедший хозяин, больной туберкулезом, грозился плюнуть в детей. Переехали на Лиговку. Потом – в коммуналку на Савушкина. Родился младший сын Петя. Весь уют, весь очаг семейный – бабушкиными руками.

Квартира на проспекте Карла Маркса досталась случайно. Прежней хозяйке чудилось в ней что-то недоброе, словно стоит кто-то за спиной. Да так чудилось, что уговорила она мужа поменять отдельную квартиру на два комнаты в коммунальной, только бы не оставаться одной.

Этот обмен был неслыханной удачей. Много позже бабуля говорила, смеясь: «Мне призраков бояться некогда. У меня то дела, то заботы».

Шила бабушка, вязала. Уже в очень зрелом возрасте увлеклась флористикой. Дарила работы щедро, до сих пор у нас хранятся её картины. И любила писать письма, подробные и длинные. Когда грустно - вспоминаются, поддерживают, помогают её слова: «Ты - мой солнечный лучик».

Альбом закрыт, а память остается. Крохотный кусочек смальты в огромной мозаике истории народа. Несколько почти незаметных штрихов на величественном полотне.

Но без этих штрихов общая картина будет в чем-то неполной. Не просто дедушки и бабушки, а люди того поколения, которое пережило Великую Отечественную войну, отстояло и сохранило Родину. Наша общая история.

Бесценные крупяницы семейной истории

Книга североморского поэта и прозаика Анастасии Герасенко «Старые фотографии» уже должна была увидеть свет, но эпидемическая обстановка повлияла на экономическую, типография встала, и уже сверстанная рукопись тоже замерла в ожидании.

Однако книга готова, и с позволения автора мы публикуем отрывки, посвященные дедушкам и бабушкам Анастасии Александровны, пережившим Великую Отечественную войну.

Старые фотографии

Я люблю фотографии, настоящие, напечатанные. Альбомов у нас много, штук двадцать, если не больше. Что интересно, когда начинаешь вспоминать прошедшие события, именно фотографии первыми и всплывают в памяти. Яркие цветные яркочки, которые удерживают воспоминания на плаву.

В большинстве альбомов — снимки современные. Но если листать назад, против течения времени, постепенно добравшись и до черно-белых глянцевок. [...]

[...] В толстых бабушкиных альбомах хранились другие снимки. Чуть желтоватые, совсем старые. Сначала они были немymi. Иногда угадывались дедушки и бабушки, молодые и не похожие на привычных мне родных людей. А рядом кто? Незнакомые лица, каким-то образом связанные с нашей семьей. Иногда под воспоминания взрослых фотографии начинали говорить. Проступали имена, судьбы

и вызвали еще больше вопросов.

И дедушки, и бабушки порой рассказывали о прошедшем, вспоминали памятные случаи. Но в детстве разве до рассказов старших, когда вокруг столько интересного, когда прыгает, вертится непоседливо собственная жизнь.

Уже не было с нами ни бабушки Ани, ни деда Якова, как вдруг поняла я, что забывая их рассказы, не сохраняет капризная память ни точных дат, ни драгоценных подробностей, которые вот-вот уйдут, словно вода в песок. Хватило ума записать оставшееся, а дедушку Кузю и бабушку Нину слушать внимательно и писать, писать, не надеясь на зыбкие воспоминания. А позже распространить родителей.

И вот тогда фотографии заговорили.

Кузьма и Анна

[...] В сороковом году стал дедушка Кузя курсантом ленинградского военного училища. Встретил войну в Ленинграде, был в числе его защитников. Скупые записи военного билета: «Ленинградский фронт. С 7.1941 по 12.1941 в составе курсантского бат-на ВМХУ». Что стоит за выцветающими строчками? Силимся понять, пытаемся, но невоз-

можно прочувствовать такой опыт. Надо хотя бы сохранить память.

О войне дедушка говорил нечасто. Как правило, работая на даче, вспоминал что-нибудь, между прочим. Рассказывал своей непоседливой внучке, что дежурил на крыше Адмиралтейства, а однажды довелось подниматься на самый шпиль.

Курсант Будзинский в составе курсантского батальона принял участие в боях на Ораниенбаумском пятачке. Теперь там стоит памятник. В живых тогда осталось меньше трети батальона. А дед все говорил, как плох был ручной пулемет, как забивались в него земля и песок, не давая стрелять.

Военно-хозяйственное училище перевели в Москву. Выжившие курсанты старших курсов добиралась до места самостоятельно, пешком через Ладожское озеро. Дедушка посмеивался, описывая шинельную скатку и вес полной выкладки.

1942 год. Досрочный выпуск. Северный флот. Корабли. Эсминец «Соржуйский», затем (после его гибели) эсминец «Разумный». Однажды получили срочный приказ — утром выйти в море, найти и уничтожить линкор «Тирпиц». Начальник интендантской службы корабля Будзинский выдал из своих запасов кипаку по сто граммов. «Понимали, на смерть пойдем». Утром приказ отменили.

Было тогда в судьбе дедушки случай невероятный. Смыло его за борт штормовой волной во время похода. А другой волной обратно забросило, благо шли корабли противолодочным галсом и далеко отойти не успели. И сумел Кузьма вцепиться в леера и удержаться, и выжить.

Многое было. Ранение и досрочная, по собственной просьбе, выписка из госпиталя. Была встреча с Анной. Анной Кузьминичной, моей будущей бабушкой.

[...] Бабушка никогда не рассказывала о военном Мурманске или Ваенге, о бомбежках, о пожарах. Как-то устроились у знакомых, и стала выживать молоденькая женщина двадцать четвертого года рождения, где-то восемнадцати лет от роду. [...]

Какие же они были молодые! Деду в сорок втором году — двадцать два, бабушке и того меньше. Тогда стали появляться и фотографии. Совсем маленькие. Вот молодой офицер о чем-то говорит с сослуживцем, оба улыбаются, курят. Кто-то шелкнул на память, оставив кусочек истории. Строгие фото из личного

дела. Новый год. Женщины в ярких платьях, с высокими прическами или с кудрями. Все молодые, веселые, за спинами виднеется большая елка.

После войны Кузьма Алексеевич остался на Северном флоте. Ваенга, курсы в Выборге, Печенга, Полярный, снова Североморск. [...]

Яков и Нина

Дед Яша, Белогуб Яков Никифорович. Самый старший из моих дедушек и бабушек, 1914 года рождения. [...]

[...] Дедушка учительствовал. В восемнадцать, в тридцать первом году, начал работать в трудовой семилетней школе. Учил и сам учился. Два года спустя поступил в Кременчугский педагогический институт. Только недолгой тогда оказалась учеба. Тридцатые годы, Украина, Податская область, голод. Пришлось бросить институт, работать и помогать матери да сестрам. Но добился своего Яков. Снова поступил, теперь уже в Харьковский педагогический, окончил и вновь учительствовал.

В августе тридцать девятого года женился Яков Никифорович на молодой учительнице Ниночке, бабушке нашей Нине Петровне, а в августе призвали его в армию, и снова увиделись они в сорок пятом, спустя две войны.

До тридцать девятого года не привлекали учителей, берегли новые, только-только подготовленные кадры, но времена менялись. «Если завтра война...». Вначале советско-финская, потом мировая. Великую Отечественную дедушка встретил в Архангельской области, где базировалась его артиллеристская часть. Уже в сорок четвертом перевели его 12-ю батареею береговой обороны, что стояла на мысу Корабельном в поселке Поной, защищая Кольскую землю.

Мало, как мало говорила я с дедом. Не расспрашивала, не любопытствовала. От всей его долгой службы остался один эпизод. Рассказал однажды Яков Никифорович, как шли они с бойцом на лыжах, и боец провалился под лед. Дедушка начал его вытаскивать и сам провалился. Выбрались оба, спаслись, но ноги дед обморозил.

Остальное пришлось восстанавливать по документам, по выписке из личного дела, по воспоминаниям бабушки Нины.

И фотографий осталось немного. Я видела только одну, на которой дедушка молодой, в белой рубашке, русые волосы лежат ак-

Из семейного альбома: Яков Никифорович и Нина Петровна Белогуб, Кузьма Алексеевич и Анна Кузьминична Будзинские.

куртанной волной. Он всю жизнь был красив, по-учительски собран, представителем. Телен.

Передо мной письмо бабушки Нины. Тщательно и подробно записала она свои воспоминания, и все кажется, что слышу ее голос: «Маршрут эвакуации: из Манжелии — до сентября месяца Красноград, Мерфа, Богодухов, Короча, Белопоместное Новооскольского района. Здесь в октябре 1941 г. мы остановились (из-за погоды). Пала устроила работать агрономом в МТС д. Слоновка. Я с апреля 1942 г. работала в школе Борово-Гриневе.

Но в июле 1942 г. наступление немцев — мы снова эвакуируемся в сторону Волги. Не доезжая до г.Острогажска попали в окружение вместе с отступающей армией в степи, но, к счастью, смогли поймать двух лошадей... Но по дороге обратно у нас немцы отобрали лошадей с телегой, а нам опять надо было думать, что делать дальше. Ведь мы остались в степи с двухлетним ребенком.

Посовещались и решили, что папа (прадедушка Петр Гордеевич) идет в сторону Нового Оскола, а я с Дусей — к месту, откуда выехали... Мой поход с Дусей едва не кончился трагично, т.к. в деревне уже был староста и пригрозил сдать в полицию, если не уберемся.

А поход дедушки был удачен. Ему объяснили, что около Нового Оскола сохранился птицевосхоз. И вот там мы и нашли приют (было жилье и работа на птичнике). Это вкратце. А в феврале 1943 г. нас освободили, и мы продолжали работать там же, но теперь я уже работала в конторе совхоза секретарем.

В 1944 г., июнь, я поехала поступать в Курск в пединститут. Было желание вернуться на работу в школе. Поступила, едаще сохранилась студбилет, а работать уехала в Манжелею. К этому времени Украину освободили от немцев».

Иногда бабушка Нина вспоминала, как наткнулась в степи на немцев. Как присела с дочкой на руках в рожь, прижала Ларису к себе, надеясь спрятаться, и все думала о том, что их сейчас будут убивать. Обошлось. Немцы полопотали что-то, посмеялись, потрепали девочку по голове и ушли своей дорогой. Только Нина долго не могла подняться, не держали ноги от пережитого.

В сорок пятом году вернулся с войны муж, наш дедушка Яша. А потом было далекое мурманское село Поной, рождение сына Александра, переезд в Ленинград. [...]

Анастасия ГЕРАСЕНКО, член Союза писателей России. Фото из альбома автора.

Анастасия Герасенко — автор двух поэтических сборников, с недавнего времени пишет прозу.